

Львов И. Г.

ЧТО ТАКОЕ ЭКОНОМИКА? ПРОСТЫЕ ОТВЕТЫ НА ПОКА ЕЩЕ СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ

«Природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей»

И.Ньютон

«Теории, которые постепенно приспособляются к наблюдаемым данным, приводят к нагромождению разрозненных утверждений»

А.Эйнштейн

«Уровень прогресса прямо связан с уровнем абстрагирования»

Дж. К.Максвелл

Сегодняшние представители экономической науки очень любят подчеркивать абсолютную неизбежность пугающей многих объемистости их теоретических трудов, используя зачастую в качестве эпиграфа для таких следующие известные слова своего великого коллеги Альфреда Маршалла: «Любое краткое изложение экономических идей способствует заблуждениям (исключая, возможно, данное мое утверждение)» [1, С.12.]. Настоящей статьёй, однако, мы планируем доказать как раз прямо противоположное - что большой объем может быть сколько-нибудь оправдан разве что только в том особом случае, когда речь идет о многогранном анализе многочисленных конкретных ситуаций, встречающихся в реальной хозяйственной практике людей. Основные же положения собственно фундаментальной экономической теории вполне могут быть изложены, как далее и будет сделано, буквально на нескольких страницах, ибо исходная базовая сущность экономики сама по себе удивительно проста. Многословие же здесь является прямым следствием просто недостаточной степени понимания освещаемой проблематики, т. е. за ним прячется элементарная неспособность точно осмыслить, а следовательно - и ясно изложить, главные аспекты того или другого коренного вопроса.

В этом смысле современная экономическая теория действительно характеризуется, к сожалению, как и предупреждал в приведенном в качестве эпиграфа высказывании Альберт Эйнштейн, буквально бросающейся в глаза разобщенностью многих своих главных разделов, отсутствием необходимой согласованности в самих подходах к трактовке освещаемых в них явлений. Иначе говоря, названная теория на самом деле представляет собой именно подчеркнутое им вынужденное нагромождение многочисленных разрозненных утверждений, что и является главной причиной переживаемых ею сегодня весьма серьезных трудностей, хорошо известных специалистам. Вот как описывает, например, это ее состояние в предисловии к русскому изданию известной книги Марка Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе» член-корреспондент РАН В.С. Автономов: «После того, как марксистская парадигма экономического анализа была отправлена «на заслуженный отдых», в области экономической теории у нас образовался некий вакуум, который, естественно, заполняется некритически заимствованными фрагментами западной экономической теории. Слово «фрагменты» употреблено не случайно. Дело в том, что современная западная экономическая наука не знает такого жанра, как типичный для прошлого века трактат под названием «Принципы политической экономии», в котором в единую систему увязываются все экономические закономерности. Отдельные отрасли экономического анализа настолько специализировались, что даже самые синтетические умы не способны создать оригинальную теорию, охватывающую все» [2, С.ХІХ.].

При этом сама названная Автономовым специализация хотя и несет в себе, конечно, определенное рациональное зерно, но в целом никак не может быть объяснена просто накоплением достаточно большого объема знаний, требующим введения обычного для таких случаев общественного разделения труда. Напротив, - она во многом определяется именно неспособностью экономической науки объяснить все изучаемые ею явления с неких принципиально единых позиций, вследствие чего таковая и разделяется на множество почти не взаимосвязанных между собой отдельных направлений. Именно поэтому знаменитый Йозеф Алоиз Шумпетер, особо подчеркнув в своей фундаментальной «Истории экономического анализа» несомненную «важность специализации, в результате которой (на сравнительно поздней стадии) возникли отдельные науки», специально уточняет затем далее (речь у него идет сначала о специализации научного поиска в целом, но все сказанное в полной мере относится, как мы увидим, и к вынужденной специализации внутри собственно самой экономической науки), что «этот процесс специализации никогда не следовал никакому рациональному плану - явному или неявному. Совокупность наук,- продолжает он,- никогда не имела логичной структуры, она похожа скорее на тропический лес, чем на здание, возведенное по плану... В особенности это относится к экономической науке, не являющейся строгой наукой, наподобие акустики, а скорее совокупностью плохо упорядоченных и непересекающихся областей знания вроде «медицины». Поэтому мы будем приводить определения экономической науки у других авторов,- добавляет Шумпетер,- прежде всего для того, чтобы поразиться их неадекватности, но сами не будем придерживаться ни одного из них» [3, С.254,255.].

И действительно - отмечаемое Шумпетером многообразие существующих определений экономической науки, зачастую прямо противоречащих друг другу, настолько поражает, что попросту вынуждает сделать следующий не очень приятный для экономистов вывод: глубинный смысл экономики как таковой вообще ускользает от их понимания. «В первой половине XIX века,- пишет по этому поводу в упомянутой выше своей книге сам Марк Блауг,- ...экономика (т. е. изучающая ее теория - И.Л.) рассматривалась как исследование «природы и причин богатства народов» (Смит), «законов, которые регулируют распределение произведенного на Земле» (Рикардо) и «законов движения капитализма» (Маркс). Однако после 1870 г.- указывает он,- экономику стали рассматривать в качестве науки, которая анализировала «человеческое поведение как отношение между данными целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативные возможности при-

менения» - удачное определение, сформулированное в 1932 г. Роббинсом: при буквальном понимании этой дефиниции многое из происшедшего ранее теряет право называться экономической наукой. После двух столетий заботы об увеличении ресурсов и росте потребностей с 1870 г. экономика стала в основном исследованием принципов, управляющих эффективным распределением ресурсов при условии, что и ресурсы, и потребности заданы заранее.

Классическая экономическая теория,- продолжает Блауг,- была настолько же макро-, насколько и микро-экономикой; неоклассическая теория была уже только микроэкономикой; макроэкономика вновь обрела себя при посредстве Кейнса и в течение десятилетия или около того фактически заменила микроэкономику» [2, С.4.]. Затем эти два направления, добавив от себя, фактически разделись, существуя хотя и в рамках одной неоклассической теории, но практически обособленно друг от друга. А в конечном счете, повторим еще раз, экономическая наука вообще распалась на множество почти невязанных между собой утверждений, что прямо свидетельствует как раз о непонимании ею глубинной сущности всей экономической действительности в целом. Откуда, заметим, и отмеченное выше многословие, обусловленное отсутствием у автора возможности выразить свою мысль простым и доходчивым языком, базирующимся именно на таком едином понимании. Вот эту главную проблему экономической науки мы и хотели бы теперь по возможности ликвидировать, предложив простое и наглядное (и как следствие - предельно краткое) объяснение самой сути экономики.

Начнем же мы решение данной задачи с выбора наиболее естественной аксиоматики - ведь в целом вообще ничего нельзя сделать, как справедливо заметил Архимед, не имея точки опоры. Не существует, соответственно, и научных теорий без положенных в их основу определенных аксиом, и правильный выбор последних играет очень важную роль, во многом определяя итоговый уровень всей построенной на данном фундаменте теоретической концепции в целом. Так что всегда следует очень ответственно относиться к выбору подобного фундамента, на котором и возводятся затем уже сугубо логические теоретические построения. Основная же рекомендация по формированию требуемой аксиоматической базы напрямую содержится в тех самых словах Исаака Ньютона, которые, являясь основным эпиграфом к настоящей статье, во многом определяют и все ее итоговое содержание. В полном своем виде это его знаменитое высказывание представляет собой первое из специально сформулированных им четырех главных принципов познания природы - дословно: «Правил философствования» - и выглядит в «Математических началах натуральной философии» следующим совершенно недвусмысленным образом: «Не должно принимать в природе иных причин сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснения явлений... Природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасно совершать многим то, что может быть сделано меньшим. ПРИРОДА ПРОСТА И НЕ РОСКОШЕСТВУЕТ ИЗЛИШНИМИ ПРИЧИНАМИ ВЕЩЕЙ» [4, С.502.]!

Именно из последней, наиболее важной здесь для нас ньютоновой мысли как раз и следует упомянутая выше основная рекомендация по формированию той исходной аксиоматической базы, которая и должна закладываться в основу любой заслуживающей внимания теории: нужно обязательно стремиться использовать как можно меньшее число исходных аксиом, в пределе - всего одну, с позиций которой можно было бы объяснить абсолютно все исследуемые явления! Необоснованное же «размножение» таких аксиом, т. е. именно «роскошествование излишними причинами вещей», как раз и приводит к тому самому «нагромождению разрозненных утверждений», о котором специально говорилось выше. Только уяснив для себя все это, мы можем смело переходить далее к собственно экономической проблематике.

1. Экономика - это очень просто!

Все выше сказанное в полной мере относится и непосредственно к экономической науке, где также существует своя собственная базовая аксиоматика. Применяемые здесь основные аксиомы сами по себе достаточно просты и в целом широко известны, хотя в соответствующей литературе и не принято по ряду причин обозначать выражающие их положения именно данным особым термином. Они к тому же несколько разнятся в зависимости от конкретной точки зрения того или другого автора, но все же легко можно выделить в них, как правило, некую общую черту, свойственную, по крайней мере, авторам одной и той же научной школы. А таковых в экономической науке, как известно, совсем немного, в глобальном плане - всего две, называемых обычно, как мы видели, классической и неоклассической. Более того - и в аксиоматике этих главных школ, если присмотреться, тоже можно найти больше общих черт, чем различий, что говорит об отличии указанных вариантов теории друг от друга не столько по выбору самой главной аксиомы, сколько по способу ее последующей интерпретации. Впрочем, не стоит и преуменьшать эти отличия, ибо именно они, как будет далее показано, и помешали в конечном счете экономической теории превратиться сегодня в единую целостную концепцию, из-за чего и возникла, напомним, необходимость в самой настоящей статье вообще, призванной наполнить экономический взгляд на происходящее глубоко единым объективным содержанием. Но сейчас нам пока предстоит сделать выбор в пользу конкретной аксиоматики одной из двух названных базовых школ, с позиций которой мы и начнем развивать далее свой анализ.

Выбор этот, вообще говоря, достаточно произволен. Но учитывая, что исторически первой сложилась все-таки классическая школа, исходные труды которой увидели свет еще во второй половине восемнадцатого века, а также прямо связанную с этим обстоятельством относительную простоту и бесхитрость большинства ее концепций, не успевших вылиться еще на тот момент в слишком большое «нагромождение» исполь-

зуемых аксиом, именно ее аксиоматику и используем мы теперь в качестве отправной точки своего исследования. Главными авторами этой школы являются, как было отмечено Блаугом, Адам Смит и Давид Рикардо, к которым по нашему мнению обязательно следует добавить еще и упоминавшегося вместе с ними Карла Маркса. А основной аксиомой здесь выступает основополагающее утверждение о том, что главным, определяющим все экономические пропорции, фактором, является совершенно особый экономический параметр - затраты человеческого труда. Причем наиболее последовательно данный принцип реализуется как раз в марксовской экономической концепции, где он доводится до своего полного логического завершения путем введения в теорию специальной категории так называемого всеобщего абстрактного труда.

Абстрактного прежде всего в том смысле, что при его исчислении абстрагируются от различий тех особых форм, которые принимает реальный человеческий труд в том или ином конкретном производственном процессе, и учитывают только нечто принципиально общее, характеризующее затраты самого труда вне зависимости от указанных сугубо внешних его различий. Этим общим, определяющим единое внутреннее содержание подобных затрат, как совершенно справедливо указывает тот же Маркс, является потеря самим человеком при реализации трудовых усилий некоторого количества своих глубинных жизненных сил, неизбежно затрачиваемых при любой физической или умственной деятельности. Причем речь должна идти в конечном счете, подчеркнем теперь этот момент специально, о затрате принципиально единой жизненной силы, обобщающей в себе все остальные, т. к. только при таком важнейшем условии будет обеспечено универсальное единство и самого абстрактного труда. Таким образом, именно затрата обобщенной жизненной силы человека и определяет по мысли представителей классической экономической школы все основные пропорции в экономике, в чем и состоит в действительности основная суть их базового, играющего роль ключевой исходной аксиомы, утверждения. Верно оно или нет - вопрос другой, но названная основополагающая аксиома существует и без нее попросту нельзя представить себе теорию ни одного из указанных «классических» авторов. Поэтому и мы смело можем взять ее теперь на свое вооружение, попытавшись развить, однако, далее до некоторого более глубокого уровня.

Логика наша будет при этом такова: утверждение о чрезвычайной значимости реализуемых во время труда затрат человеческой жизненной силы, способных определять собою все основные законы функционирования экономики, означает прежде всего то, что чрезвычайно важна именно сама по себе эта жизненная сила, запас которой характеризует, видимо, общее состояние человека. Иначе бы ее затраты попросту не играли бы той решающей роли, какая им отведена в рамках рассматриваемой сейчас особой концепции. Теперь же их значимость легко находит свое объяснение - запас жизненной силы следует, понятно, беречь и поэтому по возможности «экономить» ее специальные затраты. Другими словами, именно утверждение о существовании абстрактного запаса обобщенной жизненной силы, определяющего итоговое состояние организма, и является действительной скрытой аксиомой классицизма, а вывод об особо важной роли ее специальных затрат выступает лишь единственно осознанным им естественным следствием из этого ключевого положения. Поняв, наконец, это фундаментальное обстоятельство, легко можно расширить теперь перечень таких следствий, для чего достаточно прибегнуть опять-таки к совершенно элементарным логическим рассуждениям. Ведь если названное краеугольное утверждение уже сознательно принять за основу, то из него далее неотвратимо следует еще несколько чрезвычайно важных выводов.

И в первую очередь легко осознается, что для человека должно быть принципиально важно не только бережно относиться к выступающим в виде абстрактного труда специальным затратам своей обобщенной жизненной силы, но также и по возможности пополнять и вообще сохранять в более широком смысле этого слова ее фундаментальный запас! А значит, - именно данной цели и посвящен в конечном счете еще один важнейший экономический процесс - потребление («непосредственное потребление», «потребление как таковое»). Тот самый, между прочим, который попросту считался у «классиков» количественно неопределенным и на этом основании был даже вообще выведен К.Марксом за сферу интересов непосредственно самой экономической науки. Теперь же мы можем устранить этот пробел и прямо предположить, что включение в анализ процесса потребления по меньшей мере столь же важно для полноценного осмысления любой экономической проблемы, как и собственно самого труда. Иначе говоря, наряду с исходным понятием абстрактного труда в теории обязательно должно присутствовать и ничуть не менее объективное понятие абстрактного потребления, отражающее на сей раз единое внутреннее содержание уже именно различных по своей внешней форме конкретных потребительских актов (состоящих в сбережении тем или иным способом опять же обобщенной жизненной силы человека)!

В физическом плане процесс абстрактного потребления может принимать, как легко заметить, две принципиально мыслимые формы. Первая из них связана непосредственно с пополнением запаса жизненной силы (прямое потребление) и может быть весьма наглядно представлена, например, физиологическим процессом питания. Вторая же олицетворяет собой, напротив, уже само по себе сбережение этой силы (косвенное потребление) и заключается в предотвращении (в общем случае - уменьшении) ее самопроизвольной утраты в результате протекания естественных природных процессов. Ибо все в природе подвержено естественному разрушению, в чем и состоит основное содержательное ядро наиболее общего из всех известных естественнонаучных законов - так называемого второго начала термодинамики. Именно в отмеченном предотвращении такого разрушения, а значит, - и собственно потерь обобщенной жизненной силы, и состоит конечный смысл потребления, скажем, одежды, жилища и других аналогичных «защитных» благ. Все же остальные виды потребления так или иначе сводятся в конечном счете к повышению эффективности именно названных двух

базовых форм, способствуя росту извлекаемого при их реализации полезного эффекта.

Другими словами, все возможные формы потребления имеют в своей основе то принципиально общее, что связанный с ними абстрактный полезный эффект всегда выражается в одних и тех же единицах измерения, отражая собой в действительности объем приобретенной или сбереженной всеобщей жизненной силы. Что и позволяет говорить об абстрактном потреблении в целом, как о едином экономическом понятии, итоговый результат которого не только принципиально поддается, во-первых, опять же универсальному количественному исчислению, как ранее затраты того же исходного абстрактного труда, но и, во-вторых, что еще более важно, исчислению в тех же самых единицах, что и сами эти последние!

Ведь на базе последнего вывода легко осознается далее, что и специальные затраты тоже могут выступать снова-таки в двух основных ипостасях: либо в виде прямого расхода жизненной силы (прямые ее потери), что, строго говоря, и есть сам абстрактный труд, либо опять же в виде потерь косвенных - за счет ограничения на сей раз уже непосредственно упомянутого абстрактного потребления (в обеих его формах)! Т. к. само существование последнего прямо предполагает существование также и собственно «абстрактного недопотребления», как особого дополнительного вида специальных затрат! В некоторых вариантах классической экономической теории (Н.У.Сениор, Дж. Ст. Милль) этот косвенный вид пытались-таки учесть в форме так называемых «издержек воздержания», но при этом вводили их, понятно, чисто эмпирически, т. е. без всякого теоретического обоснования на базе ключевой исходной аксиомы, ибо такое обоснование принципиально невозможно дать, как теперь хорошо видно, без обязательного предварительного осмысления сущности самого по себе абстрактного потребления. А оно, повторим, так и осталось у классиков в целом абсолютно не осознанным, вследствие чего тот же Карл Маркс, например, сознательно отказался вводить в свою теорию и собственно издержки воздержания, лишённые какой-либо строгой аргументации.

Но отмеченная двойственность совокупных абстрактных затрат, основанная на принципиальной однородности обоих их составляющих, - это еще далеко не самое главное из того, что прямо следует из выявленной нами фундаментальной однородности самих затрат и абстрактного полезного эффекта. Ведь теперь появляется прямая возможность выразить количественно, причем в принципиально одинаковых единицах измерения, как сами полные затраты, связанные с тем или иным определенным производственным процессом, так и его итоговый полезный результат, извлекаемый в конечном счете при потреблении создаваемого здесь продукта! А следовательно,- попросту сравнить, наконец, между собой эти два главных параметра любого процесса производства и сформулировать в итоге на данной простейшей основе сам фундаментальный смысл экономической деятельности вообще: получение результата, принципиально превышающего по своему размеру инициировавшие его создание целенаправленные затраты! Для чего, собственно говоря, и нужны сами эти последние, ибо какой-то уровень потребления может существовать в общем случае и без таковых. Теперь же он принципиально увеличивается, благодаря чему опять же решается сама конечная задача сохранения и наращивания запаса жизненной силы соответствующего человека!

2. Краткий комментарий

Вот и все объяснение фундаментальной сути экономики, которое заняло, как и было обещано, всего несколько страниц. И которое легко может понять, согласиться, любой обыкновенный здравомыслящий человек. Причем для осмысления этой ее сущности, обращаем теперь внимание специально, мы не использовали здесь никаких других исходных аксиом, кроме постулированных самой экономической наукой. Мы просто сделали из главной аксиомы классической ее школы (причем принципиально одной единственной!) совершенно естественные выводы, позволившие существенно дополнить и углубить названную базовую аксиоматику, но все же не стали выходить за ее исходные рамки, хотя и посмотрели теперь на экономику с существенно более широких позиций. А это означает, что вообще не должно возникать никаких сомнений в конечной истинности нарисованной сейчас общей картины, если только не отказываться при этом также и от всех предыдущих наработок самой классической экономической теории! Впрочем, уже сама по себе предельная простота полученного нами сейчас определения истинной сути экономики делает его настолько естественным и наглядным, что оно едва ли способно вызвать у кого-нибудь элементы сомнения.

Напротив - опыт показывает, что некоторые из читателей испытывают сейчас, возможно, даже некоторое разочарование от подобной простоты полученных нами ответов на казалось бы «вечные» вопросы экономической теории, ибо инстинктивно готовились к привычным им трудным и весьма многочисленным рассуждениям. А теперь вообще готовы, вполне вероятно, заявить, что почти все из вышеизложенного они фактически давно «чувствовали» сами и потому названное определение является для них по существу самоочевидным. Но такое впечатление, как далее будет показано, обманчиво - очевидной сущность экономики становится в действительности лишь после осмысления приведенных сейчас нами конкретных рассуждений, состоящих в углублении «классического» принципа абстрагирования и последующем распространении его на данной основе вслед за трудом и на все остальные важнейшие экономические категории. Из чего хорошо видна, между прочим, глубокая правота еще одного величайшего ученого, главного создателя классической теории электромагнитного поля Джеймса Клерка Максвелла, непосредственно утверждавшего (см. третий эпиграф к настоящей статье), что в науке «уровень прогресса прямо связан с уровнем абстрагирования»! Без такого абстрагирования, как теперь будет кратко продемонстрировано, осмыслить до конца выявленные сейчас простейшие истины невозможно в принципе.

Итак, итоговая сущность экономики, повторим еще раз, состоит в получении при помощи целенаправленных затрат определенного полезного результата, принципиально превышающего таковые по своей величине. Разность же между этими показателями как раз и является тем искомым выигрышем, ради которого и осуществляется вся деятельность. Причем теперь можно условно различать две части полного выигрыша, связанные, соответственно, с абстрактным трудом и абстрактным недопотреблением. И хотя в целом конечной целью экономических усилий является, понятно, только вся сумма в совокупности, на практике каждая из указанных частей имеет определенные особенности в своем конкретном проявлении, что прямо сказывается и на осмыслении их экономической наукой. Выигрыш от целенаправленного недопотребления, например, в некоторых своих проявлениях хорошо виден в современной экономике каждому - ведь практически всем известно, что итоговая цель предпринимательства состоит в конечном счете именно в том, чтобы затратить сначала какое-то определенное количество денег, получить благодаря этому в итоге принципиально больше, извлекая тем самым так называемую предпринимательскую прибыль.

Именно счастливая возможность выразить здесь затраты и результат в строго одинаковых внешних единицах измерения - денежных - позволяет в данном частном случае прямо сравнивать их между собой и вычитать затем друг из друга не прибегая к более строгим рассуждениям. И потому эта составная часть выигрыша издавна была предметом изучения экономической науки, фигурируя в трудах авторов классической ее школы в форме так называемой «прибыли на капитал», а неоклассической - «процента» (существуют и другие формы проявления выигрыша от воздержания, которые в настоящей статье рассматриваться пока не будут). Выигрыш же от целенаправленного труда, напротив, принципиально скрыт от посторонних глаз, и вследствие этого не только не осознается на бытовом уровне, но и зачастую остается непонятым также и собственно экономической теорией. В частности, - он так никогда и не был осознан «классиками», а в неоклассической теории хотя и присутствовал в неявном виде на этапе ее становления, но в конце концов оказался, как мы еще увидим, полностью потерян. Однако для целостного осмысления экономической действительности выигрыш от труда, как теперь всем ясно, столь же важен, как и выигрыш от недопотребления, ибо только в совокупности они позволяют до конца осознать саму итоговую цель предпринимаемых здесь комплексных усилий. И непонимание его большинством людей принципиально не позволяет осмыслить им по-настоящему также и саму базовую суть всей экономики в целом.

Впрочем, и в отношении объяснения выигрыша от воздержания, выступающего в достаточно чистом виде, как уже было сказано, в форме хорошо знакомого всем процента, науке тоже похвастаться пока в целом абсолютно нечем. Ведь процент, а также вообще сама предпринимательская прибыль (в современной теории эти понятия разделяются), хотя и находятся уже множество лет в центре всеобщего внимания, но представляют собой в действительности самый настоящий камень преткновения для абсолютно всех существовавших когда-либо экономических теорий. Авторы которых буквально «сломали себе зубы» (хотя некоторые так и не поняли этого) в бесплодных попытках объяснить их истинное происхождение, что для собственно классической экономической школы выглядел теперь совершенно естественным: она принципиально не могла понять сущность любого выигрыша прежде всего из-за того, что умела количественно измерять на абстрактном уровне, как выше уже было отмечено, лишь одни только затраты. Сам же результат производства, заключающийся в абстрактном полезном эффекте, извлекаемом при потреблении его продукта, в количественном отношении оставался для нее в целом, повторим, тайной за семью печатями.

А следовательно, столь же неуловимым был и сам абстрактный выигрыш, равный разности между названными результатом и затратами (всегда, а не только в некоторых особых частных случаях, способных быть выраженными в строго одинаковых единицах измерения - исходно обязательное условие для самого их сравнения и последующего прямого вычитания одного из другого). Иначе говоря, из двух основных «ног», на которых и «стоит» на самом деле экономика - специальных затрат и получаемого с их помощью полезного эффекта - классическая школа смогла опереться в какой-то мере только на одну из них, с чем и оказалась связана ее неизбежная «теоретическая хромота», принципиально не позволяющая осознать истинную суть всей данной деятельности в целом. К тому же и сами затраты оказались осмыслены ею, напомним, по-настоящему только наполовину, т. к. издержки воздержания были введены здесь в теорию разве что только номинально (да и то далеко не всеми), а следовательно, для адекватного осмысления собственно выигрыша от недопотребления, лежащего в основе того же процента, у «классиков» вообще не было абсолютно никаких шансов.

В целом же их теория может быть охарактеризована как концепция, сумевшая познать главные аспекты фундаментальной экономической реальности фактически только на четверть, т. к. и затраты, и эффект, уточним еще раз специально, обязательно содержат в себе в общем случае как прямую, так и косвенную составляющие. Т. е. являются, как и все в природе, двойственными, вследствие чего сама экономическая теория для полноты охвата ею всех рассматриваемых явлений должна опираться в конечном счете уже на четыре специальных своих «ноги». А классическая школа сумела до конца осмыслить из этих четырех главных элементов экономики лишь один только абстрактный труд, из-за чего ее общая «теоретическая хромота» оказалась еще более ярко выраженной. В некоторых особых частных случаях, впрочем, которые за неимением места мы здесь обсуждать не будем, частично были осмыслены и другие элементы, так что в целом степень ее приближения к правильному пониманию должна быть оценена по справедливости как промежуточная между четвертью и половиной. Но итоговая оценка самой возможности «классиков» осознать истинную сущность экономики остается при этом все же принципиально негативной.

И действительно - ни Смит, ни Рикардо, как хорошо известно, так и не сумели ничего конкретного сказать

о происхождении хотя бы той же единственно осознанной ими прибыли на капитал, т. е. логически вывести само ее существование непосредственно из отмеченной выше главной аксиомы своей теории. И потому просто постулировали названную прибыль как самостоятельную данность на правах еще одной отдельной аксиомы, никак не связанной с исходной. Не намного дальше продвинулись на этом пути, впрочем, и упоминавшиеся уже выше Н.У.Сениор и Дж. Ст. Милль, в целом правильно связавшие процент с издержками воздержания, но фактически просто постулировавшие опять же как сами эти издержки, так и собственно порождаемый ими процент, никак не увязав их с упомянутой главной аксиомой. К.Маркс же, как раз и поставивший перед собой прежде всего задачу разрешить, наконец, эту наболевшую проблему - объяснить на основе одной только аксиомы об абстрактном труде лежащую на поверхности вещей злополучную прибыль на капитал, казалось бы добился желанной цели (умудрившись совершить вообще невозможное) - неким непостижимым образом «объяснил»-таки названную прибыль в рамках все такой же принципиально ограниченной сугубо «затратной» классической теории, в которой отрицание универсальной измеримости полезного эффекта выступало по существу базовой отправной точкой всей аргументации!

Но теперь уже каждому должно быть очевидно, даже без вникания в конкретные детали его концепции, что такой результат можно было получить на описанной исходно ограниченной основе только ценой скрытого нарушения законов логики. Другое дело, что для строгого научного подхода одного только отмеченного понимания данного самоочевидного обстоятельства в целом еще совершенно недостаточно и требуется обязательно указать далее (с соответствующими аргументами) на саму допущенную Марксом ключевую логическую неточность. Но в рамках данной статьи, к сожалению, сделать это в полной мере просто невозможно - ведь анализ конкретных ошибок, как хорошо известно, всегда необычайно сложен и объемён, особенно если речь идет о логической неточности такого в высшей степени аккуратного в данном отношении автора, каковым, без сомнения, был К.Маркс. И потому мы сможем здесь разве что упомянуть только эту, почти неразличимую невооруженным глазом, ошибку, которая изначально заимствована им из тех же теорий Смита и Рикардо и состоит в конечном счете в противопоставлении так называемой рабочей силы человека всем остальным товарам по способу определения ее трудовой стоимости (важнейший параметр для всей классической теории вообще). И добавим к тому же напоследок, что подробно об этом можно будет прочитать при желании в планируемой нами к изданию специальной книге «Маркс против Маркса».

Сам же данный предельно краткий анализ основных классических концепций мы на этом вообще заканчиваем, а вместе с ним - и весь настоящий беглый комментарий к основным выводам данной основополагающей статьи в целом. Отметим только в завершение, что и у оставшейся пока не рассмотренной неоклассической школы существует точно такая же ограниченность в самом понимании исходных аспектов экономики, как и у анализировавшейся до сих пор классической, разве что только проблемы у нее возникли, в отличие от последней, в первую очередь со строгим научным осмыслением на сей раз уже самих абстрактных производственных затрат. Причем сначала опять-таки одним только издержек воздержания, а затем и всех реальных затрат в совокупности, что с точки зрения возможности осознания истинной природы выигрыша (в том числе и собственно процента) вело, понятно, к точно такому же негативному результату. Другими словами, неоклассическая концепция тоже оказалась в своей основе страдающей все той же упомянутой теоретической «хромотой», хотя теперь уже и на другую основную экономическую «ногу», и поэтому итоговая ее оценка с точки зрения самой способности к осмыслению сформулированной нами здесь простейшей сути экономики также должна быть признана принципиально отрицательной.

Что же касается введенного выше количественного представления степени приближения той или иной школы к истинному пониманию фундаментальной экономической реальности, то в соответствии с нашей схемой неоклассическая теория должна быть признана относительно верной примерно в такой степени: на начальном своем этапе - на три четверти (за счет осмысления обеих базовых форм абстрактного потребления и одной - трудовой - формы абстрактных затрат), на заключительном - только наполовину. В конечном же счете, если учесть некоторые вторичные обстоятельства, даже еще меньше, т. е. итоговая ее количественная оценка опять же расположилась в промежутке между половиной и четвертью. Но строго проиллюстрировать и объяснить данное несколько парадоксальное положение дел мы сможем, к сожалению, уже только в следующей специальной статье, так и называющейся: «Что случилось с неоклассической теорией?». Ибо полноценный анализ возможных вариантов искаженного понимания простой самой по себе истины, как уже отмечалось (и как легко установить даже по размерам настоящего раздела), всегда намного сложнее и объемнее ее непосредственного позитивного изложения.

Литература

1. Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. - М.: Дело, Вита - Пресс, 1996.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. - М.: «Дело ЛТД», 1994.
3. Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. - М.: Экономика, 1989.
4. Ньютон Исаак. Математические начала натуральной философии. - М.: Наука, 1989.